

Завершив разговор, Сюй Цзыцзинь почувствовал, что с ним творится что-то странное. Он не понимал почему, но мысли постоянно возвращались к Цин Хуаю — он боялся, что тот может что-то не так понять.

Поколебавшись, он всё же решил последовать зову сердца и отправил сообщение.

Дзынь. Звук уведомления в WeChat отвлёк Шэн Цина от раздумий о том, что в следующем туре его соперником станет Чэчжоу.

Сообщение, которое он увидел, открыв телефон, заставило раздражённого Шэн Цина постепенно успокоиться. Внутри разлилось странное чувство удовлетворения.

Цзыцзинь: Семерка — моё счастливое число. То, что мне выпал Чэчжоу, вовсе не предопределено судьбой, как говорят другие. Кто бы ни был соперником, я всё равно выбрал бы семь — это просто вопрос вероятности. А с Чэчжоу мы будем всего лишь обычными коллегами. Четвёртый тур, как и любой другой, — это просто соревнование.

Пробегая глазами по строчкам, Шэн Цин почувствовал, как уголки его губ поползли вверх, и скрыть эту улыбку было невозможно.

Цин Хуай: Почему ты решил мне это рассказать?

Цзыцзинь: Не знаю. Просто почувствовал, что должен прояснить ситуацию. Если бы промолчал, меня бы не покидало странное чувство.

Ощущение удовлетворения внутри лишь нарастало, грозясь заполнить всё сердце целиком.

Цин Хуай: Ты боишься, что я не так пойму, и поэтому объясняешься?

Так ли это? Возможно. Сюй Цзыцзинь не мог дать чёткого ответа. Он сам не понимал причин, просто какой-то голос внутри твердил, что сказать — лучше, чем промолчать.

Цзыцзинь: А ты от этого радуешься?

Чувство удовлетворения стало ещё сильнее.

Цин Хуай: Цзыцзинь, можно попросить тебя об одном одолжении?

Цзыцзинь: ?

Сердце Шэн Цина забилося быстрее. От волнения руки дрожали, но он всё же напечатал эту просьбу, выходящую за рамки привычного общения.

Цин Хуай: Можно позвонить тебе по голосовой связи?

Видимо, испугавшись, что это может быть неудобно, он тут же добавил:

Цин Хуай: Если не хочешь, можешь отказаться.

Увидев это сообщение, Сюй Цзыцзинь почувствовал, как в комнате стало жарко, а температура его тела начала расти. Он расстегнул молнию на куртке, надеясь хоть немного остыть.

Но это не помогло. Температура продолжала расти, а сердцебиение, казалось, лишь ускорялось.

Голосовой звонок? В прошлый раз, когда случился тот случайный звонок, Сюй Цзыцзинь был принимающей стороной. Теперь же выбор был за ним.

Цзыцзинь: Можно.

Раздался вызов. Красная и зелёная кнопки напоминали две разные дороги. Нажать на красную — остановиться и вернуться на привычный путь; нажать на зелёную — шагнуть вперёд, навстречу новой жизни.

Кто не мечтает о возрождении? Там, где светит самое тёплое солнце, а весенний дождь питает всё живое. Там всё дышит жизнью, притягивая каждую душу, жаждущую любви.

Сюй Цзыцзинь нажал на зелёную кнопку. Голос Цин Хуая, подобно мягкому весеннему дождю, начал питать его — цветок синего свинчатки, который, казалось, был обречён на увядание.

— Цзыцзинь?

— Да, я здесь.

Напряжение, сковывавшее сердце, наконец отступило. Шэн Цин понимал, что его просьба прозвучала довольно странно, и боялся, что поставил Цзыцзиня в неловкое положение. Но эти слова — Да, я здесь — развеяли все его тревоги.

— Цзыцзинь, ты спрашивал, радуюсь ли я этому. Хочешь узнать ответ? — Шэн Цин решил вернуться к тому сообщению, на которое ещё не ответил.

— Хочу, — Сюй Цзыцзинь действительно хотел знать, что думает Цин Хуай.

Он ожидал, что тот ответит прямо, но в наушниках раздался тихий смешок, а затем последовал мягкий голос:

— Цзыцзинь, может, попробуешь угадать?

Ему ещё и угадывать? Сюй Цзыцзинь подумал, что Цин Хуай начал слишком много себе позволять, и ему вдруг захотелось пойти наперекор.

— А? Ещё и угадывать? Ну нет, тогда не надо. Если тебе трудно говорить, не заставляй себя, я всё понимаю. У каждого свои причины, — нарочито разочарованно произнёс Сюй Цзыцзинь.

Собеседник на том конце провода заметно занервничал:

— У меня нет никаких скрытых причин! Я хочу рассказать, ты только не пойми превратно.

Сюй Цзыцзинь не сдержал смеха. Он впервые слышал у Цин Хуая такой взволнованный тон — тот суетился, словно совершил что-то ужасное.

Шэн Цин, услышав искренний смех Цзыцзиня, понял, что его разыграли. Ему стало смешно, и он рассмеялся вместе с ним.

Немного успокоившись, Шэн Цин произнёс:

— Ну дела, Цзыцзинь, ты тоже научился меня подкалывать.

— Это всё ты меня научил, ха-ха, — с гордостью ответил Сюй Цзыцзинь.

Шэн Цин подумал, что Цзыцзинь невероятно мил. Он не знал, почему применил слово милый к парню, но это определение подходило ему идеально.

— Ладно-ладно, моя вина, — с доброй усмешкой сказал Шэн Цин.

— То-то же, — пробормотал Сюй Цзыцзинь. Шэн Цин услышал это тихое ворчание и снова рассмеялся.

— Чего ты всё смеёшься? — удивился Сюй Цзыцзинь.

После этого вопроса Шэн Цин рассмеялся ещё сильнее. Ему безумно хотелось записать это ворчание, чтобы потом переслушивать — до чего же это было мило.

— Ничего. Просто у тебя столько забавных привычек, ты такой милый.

— А? — Сюй Цзыцзинь не понимал, к чему это, и почему его снова называли милым — это слово совсем к нему не клеилось.

— Всё, всё, не смеюсь. Давай о деле, — Шэн Цин наконец взял себя в руки.

Сюй Цзыцзинь не поспевал за ходом его мыслей: как они перешли от смеха к серьёзному разговору? Пока он пытался вспомнить, о каком деле шла речь, раздался мягкий голос:

— Я очень рад, что ты решил объясниться. Какими бы ни были причины, значит ли это, что я занимаю в твоём сердце особое место?

Эти слова указали на причину странного состояния Сюй Цзыцзиня, но он не хотел признаваться. Он боялся, сопротивлялся, инстинктивно пытаясь защититься.

Вопрос, который он постоянно задавал себе, возник вновь: Стоит ли рисковать? Он не мог ответить.

Цин Хуай не торопил его. Долго раздумывая, Сюй Цзыцзинь выдал расплывчатый ответ:

— Возможно.

Холодный тон отозвался в наушниках. Шэн Цин почувствовал, как настроение Цзыцзиня изменилось, но не знал почему.

Сюй Цзыцзинь подумал, что ответ прозвучал ужасно, и Цин Хуай наверняка разозлится.

Но Шэн Цин не стал допытываться и не требовал чётких пояснений.

— Цзыцзинь, завтра соревнования, отдохни. Удачи тебе! — всё так же мягко произнёс он.

Почему Цин Хуай так добр к нему? Он должен был злиться, разве не считает, что Сюй Цзыцзинь просто отмахнулся от него? Почему он всё равно так заботливо желает ему отдыха и успеха?

— Цин Хуай, я... — Сюй Цзыцзинь хотел сказать что-то ещё, лихорадочно перебирая слова в голове, но в итоге сдался.

В трубке повисла тишина. Прошло немало времени, прежде чем Шэн Цин задал неожиданный вопрос:

— Цзыцзинь, у тебя хороший сон?

— Нет, — Сюй Цзыцзинь, который отчаянно хотел продолжить разговор, тут же отозвался.

— Тогда хочешь, я расскажу тебе сказку на ночь? — голос Шэн Цина стал ещё нежнее.

Его встревоженное сердце растаяло в этой мягкости, сотканной из слов.

— Я ведь не ребёнок, — усмехнулся Сюй Цзыцзинь.

— Просто хочу убаюкать тебя, чтобы ты заснул пораньше и завтра показал отличный результат.

Шэн Цин действительно обращался с ним как с ребёнком.

Лёжа в кровати с закрытыми глазами, Сюй Цзыцзинь всё ещё чувствовал, что это сон, что всё не по-настоящему. Но голос в телефоне доказывал обратное.

Вокруг было темно и тихо, слух обострился до предела, и этот невероятно мягкий голос рассказывал уютную сказку.

— Жил-был однажды цветок синей свинчатки. Он рос в мире, который был ему совсем чужим. Но другие растения относились к нему очень хорошо, никогда не считали его изгоем. Они звали его играть и участвовать во всех затеях, пока однажды...

Сюй Цзыцзинь погружался в сон под сказку Шэн Цина, а на его губах в темноте играла улыбка, которую никто не мог увидеть.

<http://bllate.org/book/20539/2050257>